

ФИЛЬМ О БРОДСКОМ

«То никуда, задержаться в коем мысли можно, зрачку — нельзя»

Независимая газ. 1996 - 3 февр. - с. 5

Кадр из фильма «Прогулки с Бродским».

Фото с экрана телевизора Владимира Павленко (НГ-фото)

Олег Давыдов

Прогулки

ПО КАНАЛУ ОРТ 30 января был показан фильм «Прогулки с Бродским» (автор сценария — Елена Якович). Странно, но, кажется, будто изменился сам жанр фильма. Теперь он стал некрологом... Все в нем — о смерти. Или о жизни человека, напряженно ждущего смерти и уже заранее подводющего итог. В читаемых здесь стихах поразительно часто (чаще, чем в среднем в стихах Бродского) поминается смерть... Не только смерть вообще. Но собственная смерть. И это на фоне Венеции — любимого города Бродского (напоминавшего ему Петербург) и воплощенного города мертвых. Карнавалы и венецианские маски (изображающие мертвых и смерть), каналы и гондолы (напоминающие о Хароне — ни в одном другом городе не возят на кладбище в лодке), затхлый запах стоячей воды и следы тления на домах (в двух шагах от обычных туристских маршрутов) — все это будто было cemento mori для Бродского. Не потому ли он так стремился в Венецию, подолгу жил в ней зимой?

Во всяком случае, съемки в Венеции придают фильму траурный и даже погребальный колорит. Теперь колорит этот к прискорбию, естественен, а прежде — мешал: нам хотелось иного от фильма о Бродском. А иного теперь уже и быть не может. Вот почему несколько иначе, чем раньше, воспринимается лапидарность формулировок Бродского. Например, ко-

гда в самом конце фильма он говорит о себе: я — лесной брат... И дальше — об элементе античности в себе как в лесном брате. Смерть уже окончательно снимает с этих слов всякий политический налет. Остается самая суть: поэт — одновременно изгнанник и отшельник, ушедший от мира в архитипические дебри какого-нибудь Арденнского леса. Лес полон блазнящих призраков, как и любое место, куда человека изгоняют или — куда он сам уходит спасаться. Бороться с призраками можно, кажется, лишь опираясь на вечные, твердые образцы. Отсюда и «античность» лесного брата Бродского...

Но где они эти вечные образцы? Где-то там, за пределами видимости. Об этом говорят печальные, утомленные глаза поэта на телеэкране. И зритель, смотрящий сегодня фильм о поэте, уподобляется прохожему из его «Венеции».

Ночь на Сан-Марко. Прохожий

*с мятым
лицом, сравнимым во тьме
со снятым
с безмянного пальца кольцом,
грызя
ноготь, смотрит, объят покоем,
в то никуда, задержаться в коем
мысли можно, зрачку — нельзя:
Там, за нигде, за его пределом
— черным, бесцветным, возможно,
белым —
есть какая-то вещь, предмет.
Может быть, тело. В эпоху тренья
скорость света есть скорость
зренья;
гаже тогда, когда света нет.*

Через год прах Иосифа Бродского будет предан земле в Венеции.